

- УЗБАВЛЕНИЕ (Deliverance)
-

УЗБАВЛЕНИЕ (Deliverance)

История Кейджа

Араджа стоял на гребне холма, опираясь на свое копье, и смотрел через равнину. Трава, под дуновением ветра слегка колыбалась, желтую главу беспокоило лишь поваленное дерево и скалистые камни. На горизонте он мог разглядеть темно-зеленый купол джунглей.

Абориген вынул красноватый корень из кожаного мешочка, висящего на его шее, и начал жевать. Пережевывая корень, он чувствовал, как его соки распространялись по своему эффекту в теле, ослабляя связь между смертной плотью и духом. Конечности начали цепенеть, и он чувствовал, что разум готов к путешествию в мир богов. Пристальным взглядом он изучал движения желтого неба.

Стрела света падающей звезды

пронзила небеса, устремляясь к холму, на котором стоял абориген. Это было предзнаменованием, но Араджа не был уверен, было ли оно добрым или же злым. Почти сто ударов сердца абориген следил за объектом, он приближался, становясь все больше и больше, пока не рухнул к подножию холма, поднимая фонтаны грязи и пыли. Он был похож на гигантское яйцо, покрытое толстой, лоснящейся кожей и ребристыми, костяными пластинами. Араджа пристально рассматривал яйцо, его верхняя часть была наполовину разбита, напоминая гротескный цветок. Брызнул багрянистого цвета ихор, и большая, долговязая тварь шлепнулась на землю возле костяческого яйца.

Тварь вытянулась в полный рост, жидкость из кокона стекала по его телу.

Она была вдвое выше Араджи, стоя на двух толстых ногах и вытягивая вверх четыре верхних конечности, две из которых венчались глиняными, с человеческий рост, когтями.

Его багрянистая плоть была защищена хитиновыми пластинами, а

сильные мускулы и сухожилие двизались по его темной коже.

Сердце Араджи начало биться быстрее и быстрее, и он почувствовал, как выступивший пот начал покатываться все его тело, заставляя его неукрепленно дрожать, глядя, как существо озирается, с сопением втягивая воздух. Внезапно чужовище направило свет своих асских красных глаз на Араджу, словно гипнотизируя его. С невероятной скоростью, несмотря на размеры, существо согнулось, его передние конечности вгрызлись в землю, и приготовилось напасть.

Араджа словно окаменел, не в силах ни убежать, ни закричать. Он понял, что это должно быть одно из существ, пришедших из Пустоты, о которых вновь прибывшие предупредили его людей, этот хищник, прилетевший из-за отдаленных звезд, пришел по его дугу.

Монстр рванулся к добыче, разум Араджи сжался в комок, из оцепенения его вывел грохот, донесшийся с правой стороны. Он хотел посмотреть, но не мог

оторвать взгляд от демона разрушения, млчащегося к нему. Существо было всего в нескольких шагах от Араджи, его когти, выгнулись назад, чтобы нанести смертельный удар.

Неожиданно, в Демона Пустоты ударили лучи штормовых молний, разрывая его плоть, и заставляя упасть на землю, гико вереща. Гипнотическое воздействие чужовища спало, и Араджи смог увидеть, как металлические создания продвигаются вдоль холма, выплевывая огонь в чужовищного захватчика. Духи Неба пришли, что бы спасти его!

Абориген продолжал безмолвно смотреть на то, как мы поливали тварь огнем из болтеров.

Я полагаю, он был удивлен, словно рассматривая гиковинный клинок, смотря на этих парней, как на создания богов. Немые местные жители, если бы они не были настолько глупы, они были бы в состоянии постоять за себя, и мы бы здесь не рисковали своими шеями, чтобы защитить их. Мое внимание отвлеклось от него, когда ликтор вновь попытался

добраться до его ног, и Химеры
приготовились дать новый залп по
существу. Я приказал остальной части
взвода рассредоточиться и продвигаться
вперед, ведя подавляющий огонь. Ликтор
прыгает на отделение Франкса, шипя,
словно проклятая Овиранская кобра, но, не
успев даже приблизиться, был разорван
огнем из лазганов и тяжелых болтеров.
Существо утирало в агонии, вытягивая
стертоносные когти вдоль тела.

Я приблизился, чтобы
удостовериться, что тварь
действительно мертва. Никогда не знаешь
чего ожидать от этих проклятых
тиранигов. У некоторых из них есть
способность к регенерации, в которую
трудно поверить. Трава вокруг была
разбрызгана его темной кровью, и он,
похоже, был действительно мертв. Чтобы
удостовериться, я приставил свой
лазерный пистолет к его голове и сделал
шесть выстрелов.

--- Хорошо, «Последний Шанс»! ---
сказал я своему взводу. --- Собирается и
уходим!

Некоторые из них начинают идти назад к Хитерат, но Франкс, Леттс и еще кое-кто направились прямо ко мне. Леттс заговорил первым.

--- Мы тут подумали, Кейдж. У нас есть прекрасная возможность здесь. Я имею ввиду, у нас есть хороший шанс свалить из этого проклятого ада, раз и навсегда.

Я смотрю на них, не понимая, о чем они толкуют.

--- Что вы задумали?

--- Хорошо, --- говорит Франкс, --- здесь всего две лиги до джунглей. Полковник никогда не найдет нас, там плодородная почва, много фруктов, там можно найти укрытие, этого хватит чтобы выжить. Мы лишь должны повернуть Хитеры на юг, и мы --- свободные люди, снова.

Его взгляд обычно открытый, сейчас был спрятан, за его густыми завитками волос, и он сделал еще одну попытку.

--- Подумайте об этом! --- продолжал он. --- Больше никакого «Последнего Шанса»! Больше никаких чертовых, самобийственных миссий для Полковника.

Никаких больше ежеминутных раздумий, в какой из тысячи видов ада мы отправится, когда закончил с этим. Свободные люди, лейтенант, свободные люди!

Я отказываюсь верить своим ушам. Я сражался вместе с Франком уже год, а Леттс служил в XIII Штрафном Легионе уже вдвое больше. Как я, как и все в «Последнем Шансе», нас всех вышвырнули из Имперской Гвардии за нарушения устава, и отправили на исправление в Штрафной Легион. Мы вместе прошли сквозь дюжину невообразимых сражений. Мы прошли через все — самоубийственные атаки, арьергардные маневры и еще много разнообразных, безнадежных ситуаций, которые только можно себе представить. Мы вместе прошли через безумие битвы и выжили, и теперь я не могу поверить, что они настолько глупы.

— Ну и чья эта, черт возьми, идея? — перебиваю его я, их рты открываются от изумления. Лицо Франкса начинает краснеть от злости. В таком состоянии он может наделать глупостей, надо было

срочно что-то предпринять.

--- Послушайте, парни, --- говорю я, пытаюсь успокоить их, --- вы действительно думаете, что это удачная идея. Флот-улей уже здесь, он кишит прирожденными машинами для убийств, они голодны и они сожрут вас, как только заметят. Единственная причина, по которой небо над нами еще не кишит цветочными спорами это то, что мы вовремя уничтожили разведчиков-ликторов, не дав им передать флоту-улю координаты основных наших позиций.

--- Это лишь немного замедлит их, мы не в силах уничтожить каждого ликтора, но даже если мы сумеем это сделать, флот-улей вскоре обнаружит Имперские транспортники, направляющиеся к нам, и как только это произойдет, улей пошлет каждую, чертову тварь на поверхность планеты.

--- Ну, тогда у вас есть два выхода. Следовать вашему плану, который подразумевает шатание по джунглям, где тиграниды без труда отыщут вас, я знаю эту местность, неужели вы

действительно надеялись там спрятаться? Или же вы отправляетесь вместе со мной в Избавление, где за крепкой стеной находятся больше трех сотен гвардейцев «Последнего Шанса», Сестры Битвы и еще две тысячи аборигенов готовых помочь нам в сражении. Выбор за вами, но если вы не идете со мной, то вам придется идти до джунглей пешком, потому что Полковник спустит с меня шкуру, если я позволю вам забрать Хитеры. Сейчас только полдень, до заката еще восемь часов, так что у вас достаточно времени, что бы добраться до джунглей, забиться там в какую-нибудь нору и ждать прибытия тиранидов.

Их хмурые, темные лица начинают светлеть, будто солнце выходит из-за туч. Я всегда думал, что хорошо обучили их, но я заблуждался, стоило трудностям навалиться на них, как они готовы сдаться. К сожалению, когда вы служите в «Последнем Шансе», люди, опустившие руки, становятся пищей для червей.

Они, молча, повернулись и направились к Хитерат. Я бросил

последний взгляд на мертвое тело
ликтора. Странно, любой другой труп уже
давно бы был облеплен муравьями-
пагальщиками, обитающими на этой
планете, а над ним кружили бы стаи
отвратительных птиц. Но здесь нет
ничего такого: ни одна живая тварь не
тронет мертвую плоть тирана.
Проклятие, из всех монстров галактики,
от этих у меня больше всего бегают
мурашки.

Мы закончили зачистку, и,
вернувшись в Избавление, я направился в
штаб к Полковнику. Через бойницу
миссионерской станции я наблюдал за
неистово палящим, полуденным солнцем.
Это небольшое селение, около полумили в
диаметре, с главной большой композицией
зданий и несколькими рассеянными вокруг
дотами, между которых, вилась дорожка к
Храму Экклезиархии. Я видел часовых на
главной стене, и даже с этого расстояния я
мог чувствовать, как напряжены эти
люди.

--- Кейдж! --- крик Полковника
Шаффера возвращает меня от раздумий в

реальный мир. Рядом было еще два лейтенанта -- Грин и Кронин.

-- Как я уже говорил, -- раздраженно продолжил Полковник, -- мы засекли основные силы врага. Они в двух днях пути от нас. К нам высланы целых два полка Имперской Гвардии, но они прибдут только через сорок восемь часов, так что до их прихода нам придется обороняться самостоятельно. Стена, похоже, довольно надежна. Восемнацать футов высотой, но нам не следует подпускать основные силы вплотную к стенам, что бы эти твари не карабкались по ней, если все пойдет по плану, то опасаться следует только гармагаунтов и ликторов, лишь у них хватит сил перепрыгнуть стену. Остаются лишь ворота, на прилегающих к ним башнях установлены автоматы, мы припаркуем Химеру позади ворот что бы усилить их и исключить возможность прорыва. Вопросы?"

Кронин прочистил горло и нервно пригладил остатки тонких волос. Он был тощ и судя по моим наблюдениям довольно нервозен. Одному Императору известно

какие мысли были в его голове, когда он приказал своему отделению сжечь Храм Императора, после того как из него украли артефакты. Но самое удивительное что Экклезиархия не потребовала насадить его голову на кол, а дорогу украсить его кишками.

--- Как на счет горгулий, сэр? --- спросил Кронин.

--- Проблемы нет, --- заверил Полковник. Он сохранял холодное спокойствие, как будто нам не предстояло бороться за наши проклятые жизни всего через несколько дней, а возможно даже через несколько часов. Как всегда, он был в полной боевой экипировке и чисто выбрит, будто только из душевой.

Он был большим человеком, в физическом смысле, если можно так выразится. Его холодные синие глаза и его внутренняя сила казалось, делала его вдвое выше любого, кто стоял рядом. Я бы не назвал его харизматичным, он был необщительным и неприветливым человеком. Его это будто заполняло всю комнату.

— У нас в наличии есть две Тигры, которые будут оборонять опасные сектора. Если хоть одна тварь попытается пролететь над стенами, они обеспечат огневую поддержку. В любом случае, Кейдж и его взвод будут действовать как мобильная группа за стенами. Если же мы все же получим не желанных гостей в лице тиранидов, прорвавшихся через стены или ворота, его взвод сможет сдержать их продвижение. Что-нибудь еще?

Я гляжу в окно, на глаза мне попадает до блеска начищенная тяжелая броня, в которой отражается солнце, это приводит меня к мысли.

— Сестры, какова их роль? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— Агента Сароритас находятся под юрисдикцией Министров и прямого контроля над их действиями у нас нет. Я разговаривал со Старшей Сестрой подразделения и вкратце обрисовал наш план. Я уверен, они нас не подведут и выполнят возложенное на них. Сестры займут позиции на стенах, в то время как мы сконцентрируем огонь орудий на

территорию возле ворот. Там, где бой
будет наиболее ожесточенным. Если я буду
нужен, вы знаете, где меня искать.

Как я и ожидал, никаких сюрпризов не
предвиделось. Полковник всегда участвует
в жестоких сражениях и всегда остается
цел. Огному Императору известно, что
заставляет его делать это. Мы здесь,
потому что совершили ошибку и нас
поймали. Но он? Что он сделал не так? Я
имею в виду, что за человек добровольно
выберет командование штрафным
легионом Имперской Гвардии? Какой волей
нужно обладать, когда пройдя множество
опасных ситуаций, в которых каждый
вздых, как благословение Императора, и
тут же бросаться в следующую. Он
обезумел, хотя нет, он уже окончательно
снятил.

Говорят все свободное время, он
оттачивает свои навыки убийства на
своем флагмане, даже когда ранен. Я беру
свои слова на счет тиранов обратно.
Существуют более страшные существа,
чем эти мерзкие создания, и это люди.
Говорят что он дьявол во плоти и когда

сражение уже близко, глядя в его глаза, я начинаю верить слухам.

В ПОЛДЕНЬ ВТОРОГО ДНЯ ТИРАНИДЫ НАШЛИ НАС. ВОЗМОЖНО ОДИН ИЗ ЛИКТОРОВ ВСЕ ЖЕ ПРОСКОЛЬЗНУЛ МИМО НАС, ЭТИ ТВАРИ МОГУТ БЫТЬ НА УДИВЛЕНИЕ СКРЫТНЫМИ. ОНИ МОГУТ УЧУЯТЬ НАС ЗА ДЕСЯТЬ МИЛЬ ПО ВЕТРУ, А ИХ ТЕЛА ПОКРЫТЫ МИКРИРУЮЩИМИ ЧЕШУЙКАМИ. А ВОЗМОЖНО РОЙ УЖЕ СЫТ ПО ГОРЛО ОЖИДАНИЕМ И ПРИШЕЛ ВЗЯТЬ НАС.

Прошлым вечером стоя на стене, я наблюдал за падающими спорами. Жуткое зрелище, скажу я вам. Словно десять метеоритных штормов слились в один, волна за волной, они падали на землю. Есть старая пословица: видя, как падает звезда, вознеси молитву Императору и Он услышит тебя.

Хорошо, что этих чертовых пылающих звезд так много — можно вознести много молитв о спасении, но я решил соединить их и вознести большую.

огромную молитву Императору. Вы хотите знать, о чем я попросил Его? Я попросил, чтобы звезды перестали падать. Но Он не сделал этого, и я понял, что такой убийца и грешник, как я, не достоин его внимания, именно поэтому я буду сражаться сейчас, что бы вернуть Его доверие.

Черт, находясь на этой миссионерской станции среди этих типов из Эклизиархии, я должен был ощущать воодушевление. Я имел в виду, что Император Человечества смотрит на нас, но я всегда думал что те, кто могут сами о себе позаботиться, не чувствуют его взора, и он присматривает только за теми, кто не в состоянии защитить себя. Так же как мы здесь пытаемся защитить племя от тиранидов, у них лишь копья, ржавые мечи и храбрые сердца, и этого было бы достаточно, если бы им предстояло биться с себе подобными, но против тиранидов это тоже, что пытаться остановить несущийся танк вытянув вперед руки.

Но я полагаю, что стоя здесь в

течении часа, смотря как ваша гибель
спускается с небес бесконечным потоком,
хочется верить, что когда все пойдёт не
так, когда вы закончите свою жизнь
кишкати на когтях ликтора или с
несколькими кинжалами гармогаунта в
грудь, что это не конец, что кто-то
ожидает вас и это все не пустая трата
времени.

Я знаю, что должен выкинуть эти
мысли из головы. Я должен оставаться
сильным, чтобы ни произошло, а иначе это
все может стать последним моим
приключением в Штрафном Легионе. Но
это трудно, чертовски трудно, ведь я был
на Учаре IV, я видел, что они могут
сделать с миром, я видел, как они
сражаются. Там нас было шесть тысяч
Штрафников. И меньше пятисот
вернулись оттуда. Я слышал, что
регулярные войска потеряли больше
миллиона воинов при защите Учара IV.

Там были Титаны, Костические
Десантники, и если верить слухам
которые я однажды слышал, то и Эльдары.
Все было брошено на то, что бы выиграть

сражение, оружие, мужчины и ты. В своей жизни я видел столько крови и страдания, что они больше не пугают меня. Единственная вещь способная меня напугать — это тираниды. Они сильно от нас отличаются. Даже Орки воюют ради завоевания новых территорий, но тираниды пытаются лишь поглотить все живое в Галактике, словно губка, и они никогда не остановятся, пока это не будет сделано.

Вот почему я стоял на стене вчера вечером, под ледяным ветром — невозможно понять, как днем может быть так жарко, а ночью так холодно — смотря, как они спускаются. Наблюдая за приближающейся смертью, у меня было скверное предчувствие на счет всего этого. Волосы на шее стояли дыбом, я уже мертв, это всего лишь оболочка, которая должна выполнять приказы.

Вот почему я просто стоял и надеялся, что Император услышит наши молитвы и придет на помощь. Но рассчитывать на это глупо, поэтому я здесь, под лучами заходящего солнца.

готовый сражаться как никогда, готовый сделать все что в моих силах, потому что смерть несется к нам через равнины прямо сейчас.

Главная атакующая волна ударила по стене. Они атакowali со стороны, слепящей нас, зари. Полковник оказался прав на счет горгулий, наша противовоздушная оборона была лучше, чем можно было ожидать. Их было около сотни, они стали снижаться приближаясь к крепости. Пушки накрыли их огнем, разрывая в воздухе. Нескольким все же удалось прорваться за стены, тогда Тигры вылавливали их по одной и уничтожали тяжелыми бомбами. Это было мучительно, части окровавленного и обугленного мяса падали на нас словно кровавый град. Не было времени убрать останки, ведь основная часть роя уже была на подходе. С нашей позиции, в паре сотен шагов от стены, трудно было сказать, что творилось снаружи.

Мы очистили нашу линию обстрела, снесли перекрытия внутри зданий находящихся по периметру и оборудовали

там опорный пункт, на случай если тираниды прорвутся внутрь и нам придется отступать, то у нас будет второй огневой рубеж. Как и сказал Полковник, основные действия происходили возле ворот. Рядовые сражались на южной стене, в то время как Сестры Битвы держали западную. И, хотя Сестер было вдвое меньше чем Штрафников, дела их шли намного лучше. С другой стороны, дайте мне болтер и силовую броню и я покажу, как жалкий и никчемный Штрафник может драться.

Не прошло и четверти часа с начала атаки, а тираниды уже делают первый прорыв. Я смотрю на восточный конец южной стены и замечаю орду несущихся термагаутов и понимаю, что защитников этой позиции больше нет.

— Хорошо, «Последний Шанс»! Время утирать, — как обычно реву я, и ты, как можно быстрее, выдвигается к подножию стены. Стрелки Хитер разворачиваются и дают залп тяжелых болтеров и мультилазеров по термагаунтам. Спустя тринадцать ударов сердца, мы вскакиваем

на ноги и с лазганати наперевес сокращает дистанцию. Огонь поддержки Хилер стихает, как только мы добираемся до вершины, и внезапно, я оказываюсь окружен тварями.

Я вижу, как одна из них нацеливает на меня свое биопушку, снятая ее до того как она успела выстрелить. Внезапно они бросаются на нас, я срываю с пояса свой ценной меч и активирую лезвия, в то время как другие готовят штыки. Термагаунты начинают кусать и цепляются за все что попадает на пути и это кажется бессмысленным, не зная, что это скоординированные действия. Они кружат вокруг меня, я чувствую, как меня стывает, будто волной, паника охватывает меня, тошнота подступает к горлу, потому что я вижу их морды, кошмарные морды вокруг меня. Один из термагаунтов прыгает на встречу мне, его четыре верхних конечности занесены для атаки, сокрушительным ударом ценного меча я пробиваю щитки хитиновой брони, и густая кровь пришельца забрызгивает мне лицо. От

аговитого вкуса и зловония меня почти
выворачивает. Я выстрелил в выпуклую
голову другой твари, и вдруг получаю
тяжелый удар в спину. Тварь забирается
мне на спину, и я не могу ее достать. Я
чувствую как его когти царапают
бронезилет, слышу как рвется ткань,
ощущая его горячее дыхание и глиняный
заостренный язык скользящий по моей шее.
Его челюсти впиваются в мое плечо, я
пытаюсь направить на него лазпушлет,
отчаянно стараясь стряхнуть ее, потому
что я не хочу быть убитым каким-то
проклятым термагаунтом. Я не хочу
умирать, только не так.

Прежде чем тварь прикончила меня,
Труко, один из подразделения Франкса
протыкает ее своим штыком, я чувствую,
как он отпускает меня и валится на пол.
Нет времени на то чтобы поблагодарить
его, он уже лежит на полу и половина его
лица срезана острым когтем. Существо
сгорбилось возле него, опуская все шесть
конечностей, готовясь к прыжку, его
красные глаза смотрят на меня. Я
просовываю цепной меч между его ног.

лезвия взрываются в мягкое незащищенное
брюхо, выпуская кишки. Труко вопит, что
бы его добили, но времени нет даже на
удар милосердия. Как они говорят, пощады
не будет.

Дюйм за дюймом мы оттесняет их к
краю стены. Я вижу, как Франкс хватает
одного из них и кидает за паранет, его
когти и хвост еще шевелятся, пока он
катнем летит вниз. Я выглядываю за край
стены и понимаю, как им удалось
забраться. Гора их тел высотой в две-
три стены, почти три метра, тело на
теле, создали подъем для продвижения
других.

— Гранаты! Убрать тела от стены! —
кричу я уворачиваясь от колючего хвоста,
летающего к моему горлу. Цепной меч вновь
с визгом взрывается в хитиновые
пластины. Они исполнили приказ, бросив
гранаты за паранет стараясь подорвать
этот груды мяса. Я вижу как Маршалл,
запрыгнув на край, трясет своим лазганом
в след отступающим тварям. Взрыв
поднимает в воздух куски разорванной
плоти и план срабатывает. Размазывая

кровь по стене, груга тел скользит вниз.

Термагаунты отходят от стен. Но твари еще не закончили, что-то приближается к нам и приближается быстро. Длинными быстрыми прыжками словно блохи, почти летя над трупами сородичей, с огромной скоростью, гармагаунты несутся к нам. Мы пытаемся убить как можно больше этих тварей, но все же двадцать, а может тридцать достигают основания стены. Они останавливаются всего на долю секунды, затем они врезаются своими четырьмя тусклыми конечностями с когтями в стену, прыгая по ней на хороших два-три фута за раз.

Одно из когтей пробивает плечо Маршалла, он хватает тварь рукой прижатая к себе. Потом он хватается пытающуюся проскользнуть мимо тварь за горло и прыгает вниз, утягивая их за собой. Зазубренный коготь тянется к моему паху, но я отсекаю часть от него ценным мечом, заряд из лазнистолеа устремляется блестящий красный глаз твари. Остальная часть боя, размывается.

словно оживший кошмар: рубка и резня, поножовщина, пинки и стрельба, удары и крики, кошмарные морды и горячее дыхание, мечущиеся кинжалы и потрошащие когти, кровь и грязь, кишки в проходе, и вы сражаетесь, пока руки не станут свинцовыми от усталости, а мозг больше не может обрабатывать информацию, но вы продолжаете инстинктивно сражаться.

Нам удается остановить атаку, тираниды отступают через равнины, под радостные крики защитников у ворот, которые эхом расходятся вдоль стен. Я позволяю своим людям немного расслабиться, для нас это не большой праздник. Шок от близкого знакомства с термагаунтом потихоньку начинает спадать, я оглядываюсь вокруг, чтобы отвлечься от мыслей о том, как низко я пал в этот раз. Я вижу шагающего ко мне Полковника, его лицо как всегда мрачное. Я никогда не видел, как он улыбается, ни разу.

--- Кейдж! Уберите мертвых. Я выслал команды огнеметчиков, чтобы

отчистить стену.

Отдав приказ разделить раненых, на тех, кто еще может сражаться и тех, кому вскоре даст упокоение Император, он ушел. И все, ни спасибо, ни "Хорошая работа Кейдж: вы удержали стену". Только больше приказов, больше работы, больше сражений и смерти. Я распоряжаюсь, чтобы несколько человек начали сбрасывать тела и замечаю, как команды огнеметчиков уже начали работу, струи огня превращали груды тел в пылающие костры. Оставив их за грязной работой, я оглядываюсь в поисках Полковника.

Я нашел его во внутреннем дворе, он разговаривает с Натаниэлем, миссионером отвечающим за станцию. Они, кажется, спорят.

--- Эти люди нуждаются в уходе, вы не можете заставить их снова сражаться, --- жалуется Натаниэль

--- Если они не могут сражаться, то они мертвы, проповедник. Нам нужен каждый человек на стенах, --- ответил Полковник своим низким, грохочущим голосом. Впервые после начала боя я смог

внимательно его рассмотреть. Его форма
пропиталась кровью, пришельцев и людей,
но не его. Нет даже царапин на коже, даже
чертовых царапин. Позвоночник
пронизывает холод, и я стараюсь не
думать об этом.

Натаниэль все еще продолжает
спорить, но Полковник поднимает руку,
прерывая его.

— Эти люди не заслуживают вашей
жалости, — говорит он, его глаза
вспыхивают словно ледяное солнце. — Они
воры, убийцы, грабители, насильники,
нарушители и еретики. Каждый грех,
который вы можете придумать был
совершен хотя бы одним из них. И даже
больше, они — предатели. Когда-то они
служили, как свободные люди в великой
Имперской армии. Но они предали доверие,
возложенное на них Императором и его
слугами. Они перешагнули через запреты
Имперских Законов и тем самым
осквернили благосклонность Императора
своим эгоизмом, я буду, я должен, покарать
их за это.

— Лишь Император может судить нас за грехи, — говорит Натаниэль.

— И только умерев ты получишь наказание Его, — закончил катехизис Полковник. Натаниэль бросил пристальный взгляд на него, а затем отвернулся и зашагал прочь.

— Запомни, Натаниэль, — говорит Полковник ему в след — Служи Императору сегодня, ибо завтра ты можешь быть мертв. И затем, лишь на мгновение, на крошечную долю секунды, на губах Полковника Шаффера мелькает призрачный улыбки, крошечный намек на удовлетворение, словно он знает то, что остальной части Галактики не ведомо.

— Кейдж! — зовет он, как будто чувствует, что я был рядом. — Я уверен, что вы понимаете, это была только первая волна. Я не знаю, когда придет вторая, так что будьте начеку. Остался всего час до того как солнце зайдет и я думаю они будут ждать сумерек. Я хочу, что бы ты и твой взвод встали за воротами. Первая волна была лишь проверкой нашей защиты, разведкой боем.

Они знают, у ворот мы были более зажатые, и поэтому основная их часть бросается именно туда.

Мы должны удержать ворота любой ценой, Кейдж, иначе все кончено. Держись поближе к воротам, но жди моего сигнала. Ни за что, ни при каких обстоятельствах, не позволяйте оттянуть вас от ворот. Это ясно?

--- Да, сэр! --- отвечаю я.

На это раз мы встретились лишь с гаргүльями, термагаунтами и гормагаунтами.

Но они лишь пшечное мясо. На этот раз все будет гораздо хуже. Они приведут с собой воинов, карнифексов, а может, к нам пожалует сам тиран үлья.

--- Вы получили свой приказ лейтенант. Приступайте, и я хочу, чтобы через полчаса каждый мог вести петкий огонь.

И он снова ушел, зовя Грина и Кронина.

Как я и ожидал, Полковник оказался прав. Император заберу, но он всегда оказывается чертовски прав.

Сүмерки опустились внезапно, тираниды выжигали все это время. Я помогал взводу Кронина снять несколько прожекторов с Хилер и установить их на стене. Постоянный гул портативных генераторов наполнял воздух, но прислушиваться было все равно бесполезно, потому что тираниды передвигаются так тихо, что их не слышно пока они не окажутся у вас перед носом. Это одна из самых пугающих их свойств -- тишина. Ни боевых кличей, ни скандирования, только волна тварей несущаяся на вас. Когда они сражаются, то лишь шипят, но я сомневаюсь, что у них есть нормальный язык, на котором они общаются. Они лишь животные, жуки, но, несмотря на это, хорошо организованы. Они похожи на ос, которых я видел на Антрейгесе, что знает одна, знают все. Когда одна из них находит вас, остальные, жужжа, тут же несутся к вам, так же как ликторы ищут добычу для основной части роя.

Я стою на стене, проверяя, все ли подготовлено, вспыхивают прожекторы. Глупые солдаты направляют свет

слишком далеко от стены, я могу их понять, они хотят обнаружить врага как можно раньше. Но проблема в том, что свет слишком слаб и не достает до земли, разглядеть что-либо невозможно. Я хватаю один из прожекторов, направляя его вниз, на семьдесят метров от стены. Свет выхватывает мерцающее движение, я кричу другим, что бы подготовились к атаке с этого направления. То, что я вижу, заставляет позвоночник окаменеть от страха. Невероятно, не то что бы мне был незнакомо это чувство, но сейчас оно было куда сильнее по моим собственным меркам. Еще больший выводок термагаунтов, полз по траве на брюхе, подбываясь опасно близко. За ними, присев, шли воины, большие твари вдвое выше человека с хорошо развитыми четырьмя верхними конечностями усеянные огромным разнообразным оружием для рукопашного боя. Они ползут вперед, их костистые суставы и хитиновые пластины хорошо видны в свете прожекторов.

Свет блеснит в их глазах, отражаясь

бесчисленным множеством сияющих сфер. Их глаза кажутся мертвыми, ни каких эмоций, ни чего. Не удивительно, чего вы ждали от расы способной пожирать целые планеты. Нет, эти глаза, не идут ни в какое сравнение с холодным взглядом Полковника и все мы знаем, что он не совсем человек.

--- Выбирайте цель! Открыть огонь! --- кричу я. Первыми в бой вступают ракетно-пусковые установки и автоматы, затем к ним присоединяются залпы из лазганов, тираниды понимая, что скрываться бесполезно, поднимаются из травы и несутся к нам, чудовищной волной когтей готовой разорвать нас. Я бросаю последний взгляд на то, как они бегут через равнину, на расцветающие в тумане взрывы, которые на секунду озаряют проблесками адского пламени их рычащие морды, и прыгаю вниз и широкими шагами возвращаюсь к своему взводу.

--- Ладно, парни, --- говорю я им, --- приготовиться. --- Выполняйте приказы и будьте начеку. Если нас разделят, то без проблем разорвут. Старайтесь стрелять

по незащищенным местам. Ваши лаззаны
не пробьют их панцыри, это как пытаться
погубить «Летан Русс» кулаком. И следите
за боеприпасами, ночь будет долгой, я не
хочу в итоге оказаться против этих
чертовых жуков с голыми руками.

— И последнее: не дайте себя убить, а
иначе мне вновь придется обучать
безнадежных новобранцев. Если вы
позволите мне умереть, то клянусь
адским пламенем, я буду преследовать вас
всю вашу оставшуюся ничелную жизнь,
напотиная вам какие же вы кучки
чертового орочьего дерьма!

Это вызывает улыбку. Я мог бы
обойтись без этих дерьмовых речей перед
боем, но некоторым это нужно. Так же как
и я, они стали более взвинченными. Я
понимаю, что они всего лишь кучка
твердолобых тугодумов, но даже если
между вами и вас воздух, вы не можете
побороть бесконтрольный страх перед
тиранизмами. Они не просто убивают вас.
Они пожирают вас, забирая все, что вы
когда-либо могли бы сделать, изменить и
извращают во что-то другое. Это ужасно.

это невозможно передать.

Плотный огонь, льющийся со стен, приводит к мысли, что пока все идет хорошо. Я позволяю себе взглянуть на сражающихся рядом с аборигенами Сестер Битвы. Могу сказать, это захватывающая зрелище. Около тысячи темнокожих воинов, швыряют копья и пускают стрелы из луков, их кожа блестит от пота, их боевые кличи отзываются эхом у основания стены. Среди них Сароритас. Они поют, их голоса сплелись в хор в бесконечной молитве Императору. Я не могу разобрать слова, но когда она доходит до меня, то наполняет силой духа. Песнь вызова и преданности, мелодия их голосов сплелась с болтерным огнем, с огромной внутренней силой, залп за залпом, свет полоскати расчерчивает тьму.

Затем я вижу, как аборигенов что-то обволакивает, они, вертятся и безумно кричат, хватаясь за лицо и грудь. Это плевалщик: оружие стреляющее маленькими жуками, которые, взрываясь, распыляют вокруг себя кислоту. Ожоги на

незащищенной коже аборигенов смертельны. Отводя взгляд от ужасной сцены, пропуская их душераздирающие крики мимо ушей, я вижу что происходит у ворот.

Там идет рукопашная схватка, я замечаю Полковника с пылающим энергетическим мечом в одной руке и болт пистолетом в другой. В то время как другие отчаянно рубят и колят, он порхает между противниками, с каждым ударом или выстрелом убивая одного из них, будто хаос вокруг его не касается. Я вижу ликтора вырастающего за его спиной, но он резко поворачивается и выпускает всю обойму в лицо твари, затем гвүтя быстрыми движениями меча отсекает ему ноги. Он излучает спокойствие, будто прогуливается на свежем воздухе. Проклятье, он просто бесчувственный, в сравнении с ним Сестры Битвы, кажутся, более эмоциональны, и его взгляд, посланный на тварей, был холоднее, чем ночь на Валхалле.

Но кое-что на западной стороне от ворот заставляет меня проглотить язык

от ужаса. Огромная фигура загораживает
луну — тиран улья. Он почти втрое выше
всех кто находится рядом. Две его лапы
формируют огромную бионическую, в то
время как остальные две, она из которых
была выступающим вперед кнутом, а
другая, с зажатым зазубренным костяным
мечом. Толстый хвост стегал между его
ног, увенчанный жалом величиной с руку.
Его мощные челюсти способны перекусить
человека, а тело его покрыто хитиновой
броней и костяными наростами.

Заговорила ядовитая пушка, посылая
снаряды в скопление возле ворот,
уничтожая и Гвардейцев и тиранидов.
Заграв голову, он издает
гудераздирающий рев, который катится
вдоль стен, парализуя в страхе воинов, что
бы термагаунты и воины воспользовались
паузой, с легкостью уничтожили
обороняющихся. Тиран идет к паранету,
поднимая в воздух осколки плит
крошащихся под его огромным весом.

Оглядываясь вокруг, он
останавливает взгляд своих злых глаз на
Полковнике, поскольку тот собирает

людей на контратаку. Они нападают, лазболты отскакивают от бронированного монстра, тогда они пытаются достать его штыками и пробить хитиновые пластины. Его костяной меч опускается вниз, я вижу хлещущую фонтаном кровь, четверо были рассечены одним единственным ударом. Удар зазубренного кнута пробивает грудь другого Гвардейца, и тварь швыряет его труп через стену, он бесформенной кучей, приземляется во внутреннем дворе.

Но Полковник и в этот раз принял вызов. Он прорубает себе путь через выводок воинов, что бы поговорить к тирану. Остановившись на мгновение, он осмотрел паранет и основание стены. Его взгляд останавливается на нашей позиции. И он падает сигнал к атаке.

--- Вперед, «Последний Шанс»! --- кричу я, начиная прорубаться к стене. Я сделал где-то пять шагов, когда понял что что-то не так. Я осознаю, что остался один и начинаю озираться. Они так и остались стоять там, смотря на тирана, как он потрошит какой-то отряд.

— Это еще что за черт? — реву я. Я хватаю Сержанта Феникса за ворот и тащу к стене, он оборачивается и начинает бормотать.

— Это безумие! — его крик тонет в воплях бойни. — Это же чертов тиран-улья, он убьет нас всех! Мы должны выбираться из этого ада пока еще можем! Избавление пало, Кейдж, поймите! — он немного успокаивается и смотрит на меня часто моргая. Мы больше ничего не сможем сделать! Мы должны спасаться сами. Ты не ученик Кейдж, и ты знаешь это.

Он прав, но мой взгляд улавливает что-то над их головами. Это огни, снова падающие звезды, летят, по изгибающейся дуге, к Избавлению. Я оглядываюсь и вижу, как здоровенная тварь пытается сломать ворота, они дрожат. Решение принято.

— Смотрите, — говорю им я, указывая на искорки света падающие на юг. — Нет больше возможности сбежать из Избавления. Сюда несутся еще больше тицетичных спор, скоро мы будем окружены. Нет никаких шансов покинуть

эту зону до их прибытия.

Крузо из отряда Лемтса открывает рот, чтобы спорить, но я затыкаю его.

— На это раз выхода нет, ребята. Мы все умрем в Избавлении. И сейчас я вижу лишь два пути. Вы можете сбежать отсюда, как воры и трусы, которыми вас считают. Конечно, вы можете, вам надо лишь перебраться через стену и бежать в укрытия. Но у них не займет много времени найти вас, когда вы будете одни в ночи прятаться в траве, пытаясь не обосср...

Треск у ворот отвлек меня, я оборачиваюсь. Химера, тяжело раскачиваясь на своих траках, готова в любую секунду завалиться в сторону, я должен спешить.

— Да черт возьми! Все что нам осталось это сражаться за собственную гордость. Сейчас я говорю ни о чертовых аборигенах, ни об Императоре или Полковнике. Единственное что сейчас меня волнует, это как я умру, стоя к опасности лицом или же на коленях. Я собираюсь пасть в бою, как настоящий человек. Если

здесь есть еще мужчины, то ил лучше
пойти со мной, а иначе мальчики, вам
осталось лишь рыдая бежать прочь и
подохнуть, как последние отребья.

Я плюю ил под ноги, разворачиваюсь
и иду к воротам. Я чертовски рискую, если
они не последуют за мной, то мне
придется в одиночку идти на ту
здоровенную и угрожающую тварь, которая
без труда смогла пробить три фута
пласти. И тут я слышу глухой стук
сапог, они вновь со мной, что ж, похоже, я
воодушевил этих сосунков.

Подняв глаза, я вижу, что тиран
пошел в плотную к одной из башен у
ворот, но я так же вижу и Полковника
который кроется эту тварь своим
энергетическим мечом. Оному
Императору известно как у него, черт
подери, получается это в одиночку. Ну,
если я доживу до рассвета, то надо будет
попробовать узнать. С визгом, ворота
проламываются, отброшенная Хи́лера
несется на нас. Звук такой, будто танк
прошибает здание, экипаж выбрасывает в
воздух. Машина с грохотом приземляется.

из пробитого бака вытекает горячее, огромный шар огня поднимается на тридцать метров вверх. В огне и дыму я вижу то, что будет преследовать меня всю жизнь, конец которой, кстати, уже не далеко.

В ярком красном свете появляется огромный тиранид, около четырех метров в высоту и столько же в ширину. Это Карнифекс, но таких, я прежде не видел. У него четыре массивных лапы-косы, а костистые, шипованные наросты на его плечах выступают далеко вперед, образуя тем самым живой таран. Укрытая между массивными плечами голова, словно сплавлена с грудью, огромная пасть полная клыков открыта в постоянном реве. Куски покореженного металла висят на его шипах, тоная через огонь и дым, он выглядит как дьявол из адской ямы.

Не замедляясь, он толкает плечом подбитую Хитеру и я с ужасом наблюдаю, как горящее топливо, словно слезы, стекает по армированным пластинам существа. Остов продолжает полыхать, огонь обволакивает бронированного

Карнифекса, но тот продолжает идти
будто ничего не случилось.

— Убить этого ублюдка, — кричу я,
все хватаются за снаряжение.

Брейден открывает огонь из
лазпушки, посылая высоко энергитические
снаряды, способные пробить бронированного
Карнифекса, его темная кровь сочится из
ран, стекая вниз по экзоскелету. Тяжелые
болтеры отряда Франкса, оставляют на
массивных, словно дерево, ногах зияющие
дыры от взрывов болтов.

Но он продолжает движение,
поднимая фонтаны грязи своими
массивными ногами. Он останавливается
на секунду, в его глазах-бусинках
отражается мерцающий огонь, их взор
направлен на нас. Он отводит лапу назад,
растягивая ее, из его пещеристой пасти
вырывается глинный рев, который
услышали, наверное, на другом конце
галактики. Он моментально срывается на
бег. Огонь из лазганов, тяжелых болтеров
и лазпушки накрывает его, пока он несется
к нам. Его пасть вновь раскрывается в
ужасающем реве, но Брейден, точно

рассчитав момент, я уверен, что Император направлял его руку, посылает болтом точно в пасть, разнося затылок твари и разбрасывая куски черепа по внутреннему двору.

На мгновение мне кажется что этого не достаточно, тварь продолжает с грохотом приближаться, но вот, тело осознает что произошло и заваливается на землю, в лужу темного ихора, вытекающего из гигантского трупа.

Я с облегчением вздыхаю, радуясь что эти бесполезные отбросы все же решили ко мне присоединится, а иначе быть мне сейчас размазанным по здоровенным когтям этой твари. Однако, как только мое сердцебиение приходит в норму, снижаясь до менее миллиона ударов в минуту, остальная часть тиранидов начинает пролезать в пролом. Впереди несется выводок воинов, стреляя на бегу из плевальщиков и пожирателей.

Люди вокруг валяются на землю, один выстрел попадает мне в руку. Боль почти невыносима, я наклоняюсь и набираю горсть грязи, чтобы стереть кислоту.

Правая рука почти не слышится, я бросаю
лазпушестолет, левой и выхватывая цепной
меч. Воины попадают под огонь лазпушек
и тяжелых болтеров, но все больше тварей
корабляется в пролом. Я оглядываюсь
оценивая наши потери и понимаю что нас
осталось менее двух дюжин.

Франкс ловит мой взгляд и я вижу
как его отчаяние превращается в жесткую
гордость. Слово получив подсознательный
приказ, мы бросаемся вперед на поток
тварей льющихся в Избавление. Мой
цепной меч взрывается в плоть, и я слышу
нечеловеческие вопли боли. Я перестаю
смотреть на происходящее. Просто рублю
на лево и на право, рублю в слепую, зная,
что невозможно промахнуться в
окружающей меня толпе инопланетных
тварей.

Массивная когтистая лапа, глинянее,
чем Ктхелланский лишайник, расчерчивая
темноту, разбивает мне лицо. Голова
начинает кружиться, я чувствую, как
острое лезвие разрезает мое бедро. Что-то
влажное и липкое льется по ноге, я опускаю
ошеломленный взгляд и вижу, как моя

кровь льется в грязь. Я пытаюсь утти
вперед, но всю силу будто выкачали. Я
падаю на колени, чувствуя шероховатую
кожу пришельцев на себе, реальность
отстывает, оставляя меня утирать.

Тьма опускается, я чувствую, как
падаю, падаю в глубокую темную яму.

Мои уши слышат пение, мой мозг
звонит от звука ангельских голосов
восхваляющих Императора. Так вот как
это — умереть. Император все же есть, и
я получу свое наказание, как и говорили
Натаниэль и Полковник. Мои мысли
замедляются, но впервые за десять лет
сражений я испытываю гордость. Я не
бежал на этот раз, я остался. Я пал, но
пал в бою. И это должно что-то значить.

Я слышу голоса, крики, рев
отдающихся приказов. Я понимаю, что
еще жив и был прав на счет тех падающих
звезд. Пытаюсь открыть глаза, но левый
отказывается подчиняться. Я поднимаю
все еще ослабленную руку и достаю
до виска. Пронзающая боль говорит об
ушибе размером с маленькую луну,
вероятна корка крови покрывает мой глаз.

Правая рука вся переломана бинтами и отказывается двигаться вообще.

Танк «Леман Русс» разогревается, готовясь выехать за ворота. Я предполагаю что меня оттащили к опорному пункту, чувствуя, как грубая каменная класка вбивается мне в спину. Я медленно поворачиваю голову сначала влево затем вправо, опасаясь головокружения и тошноты, замечаю других раненых, перебинтованных и кровавых, по всему опорному пункту.

Мимо проходит Полковник, он замечает, что я пришел в себя. Становясь передо мной, он удачно закрывает слепящее солнце. Я не вижу его лица, оно скрыто тенью, но он смотрит на меня.

--- Все еще жив, Кейдж? --- спрашивает он, как всегда грубым голосом.

--- Похоже на то, сэр. Никак не получается бросить эту привычку. Я пытаюсь улыбнуться, но лицо все еще сводит от боли.

--- Я слышал, что произошло, --- сказал он, опускаясь на одно колено, вбивая взгляд своих ледяных глаз в меня. --- Скажи мне

вот что, Кейдж. Вы могли убежать, у вас
был шанс и до этого тоже был. Что
заставило вас сражаться?

Я смотрю на него здоровым глазом,
не боясь его взгляда.

--- Все просто, сэр, --- начинаю
объяснять я. --- Я видел посадочные огни и
знал что это транспортники Имперской
Гвардии. Мицетичные споры падают
прямо вниз, а эти ители посадочную
траекторию. Таким образом, я понял что
Избавление выстоит. Но нам было
необходимо продержаться, потому что
если бы тираниды прорвались, мы все были
бы мертвы. Нам не куда было бежать от
них.

Полковник, нахмурившись, смотрел
на меня.

--- Тогда почему вы сказали своим
людям, что это споры, а не силы
поддержки? --- спросил он.

--- Вы должны знать, почему, сэр, ---
отвечаю я, и мне кажется, это столь
очевидным. --- Если бы я сказал им что
помощь уже на подходе, они бы растеряли
остатки стелости, которая у них была.

Они бы думали, что могут сдаться и
вернуться отсюда. Но как я и сказал, выхода
из Избавления не было. Я сделал
единственную вещь, на которую был
способен. Я лишил их ложной надежды, и не
дал иного выбора, кроме как сражаться за
собственные жизни.

— Будете ли, сэр, когда больше не
осталось ничего ценного за что можно
было бы сражаться, вы все равно будете
биться, чтобы выжить. Дайте человеку
шанс отступить, и он отступит, но если
не даешь ничего, он хватается за самое
дорогое, что у него есть, обеими руками и
не отпустит, пока может. Он будет
сражаться на последнем дыхании, лишь бы
еще раз вздохнуть, ощутить удары сердца
еще раз прежде, чем умереть. Если
поставить человека в гущу сражения и
дать ему оружие, то он будет биться как
загнанный зверь, потому что другого
выбора нет.

— Это путь Штрафников, сэр.
Такии вы хотите нас сделать. У нас нет
иного выхода, кроме как сражаться, и
сражаться хорошо, потому что если мы не

можем, мы мертвы. Ни один из нас не
хочет умирать, и мы сделаем все, все, что
в наших силах, отправляясь на ваши
проклятые самоубийственные миссии,
лишь бы еще раз вздохнуть. Вот, за что я
сражаюсь, вот за что они сражаются.

Полковник ворчит и поднимается. Он
поворачивается, чтобы уйти, но я
окрикиваю его.

--- Есть еще одна причина по которой я
буду сражаться на пределе своих сил, сэр!

Он останавливается и смотрит на
меня, его бровь поднята в немот вопросе.

--- Я-я не собираюсь доставлять вам
удовольствие посмотреть, как я умру, сэр!